

Мартин МЕЛОДЬЕВ

ВСЕ ТОТ ЖЕ ВЕТЕР...

Токайский вальс

Пятипалый листок
на невидимых миру качелях
закачался у глаз перед тем, как упасть на ладонь
желтой бабочкой осени, ломким хрустящим печеньем —
дар янтарных небес, отшлифованный ветром огонь.

Вот и выдан диплом.
С окончанием школы балета!
Золотая печать и пяток неразборчивых строк.
Легкий крап...
 как на желтой рубашке валета.
Невесом — до сих пор пахнет летом осенний листок.

Мой залетный дружок, залетевший ко мне из России,
Расскажи мне о той, для которой и пишется вальс.
Я тебя опустил бы в почтовый,
 в тот самый, в тот синий —
только адрес не раз и не два,
 и не три поменялся у нас...

Ты еще молодой. Ты не знаешь, как все это было.
Темный вечер и дождь... Боже, как это было давно!
Я ее так любил! И она меня *так не любила*,
что и вспомнить смешно,
 и не вспомнить, конечно, грешно.

* * *

Пять сосен зеленых...
Пять стрел оперенных,
вонзившихся в голую грудь косогора.
Холодное небо, свинцовая слякоть...

Вы скажете — лучше не помнить,
не плакать.
Но если над вами шумят изумленно
пять сосен зеленых...
пять сосен зеленых?..

* * *

Открыты сезоны в театрах,
и дворники жгут костры,
тают у ветра в лапах
блестки сухой листвы.

Копируя краски лета,
виднеясь то там, то тут,
последних берез букеты
в сосновой траве цветут.

Мокнущие проспекты,
мерзнущие мосты...
Осень... Ее рецепты,
как ни верти, просты.

Пригоршнями жемчужин
с неба летит вода.
Ночь. И по черным лужам —
белые крылья льда.

Сыну

Еще я помню те смешные
шестидесятые года.
Из Кривощёкова тогда
ходил трамвай на Расточные.
И был соцгород, край земли,
в кинотеатрике зеленом
грозили штурмом бастионам
из бухты кинокорабли.
И в «отгадайкино» — у нас
была тогда игра такая —
фильм сокращался в «КорШтуБас».
И, мяч до одури катая,
мы попадали иногда...
В шестидесятые года.

Беженец (страсти по Беловежью)

америка страна реминисценций...

А. Цветков

Калифорнийский вечер. Небо в тучах,
истаивая, никнет к берегам.
Гравюра на стене — охота в пуще:
Ферзем — король, гроссмейстером — кабан.

Здесь по утрам о будущем волнуясь
и принимая на ночь чистый бром,
я пребываю в ступоре, любуясь
прабабушкиным фирменным гербом.

И наш отъезд, он не был зря, скажи мне?
Я до сих пор витаю в полусне,
где мы с тобой, та chère, впервые в жизни
на Запад отправляемся в СВ.

Вокзал, друзья, таможня... все при деле;
локомотив копытами блеснит.
Граница на замке? Преодолили.
Прощание славянки? Бог простит.

А за окном — шумит все тот же ветер,
что сорок лет назад в другой стране,
где все осточертело: те и эти...
Шумит и будит беженца во мне.

